

ОТЧИЙ КРАЙ

Здесь отчий край и деревенька,
И ангел из золы дотла,
И дом, где каждая ступенька,
Мне пела и меня вела.

Где дым трубой, и каждый весел,
День длился счастьем без конца.
Холмистые всходили веси
За синим лесом у крыльца.

Все так же робко сердце бьется,
Прохлада забралась туда –
В проём дубового колодца,
Где точно плавает звезда.

Я сохранил заборы эти,
Нас, конопатых сорванцов,
Что лазили в густые плети
Белоголовых огурцов.

Здесь жизнь осталась в первой трети,
Открыв свою простую суть –
В полях – хранителях столетий,
Где храм указывал нам путь.

СОЛНЦЕ СТЕРЕЧЬ

Старой мельницы ржавы колёса,
И не помнят владельцев, имен.
Выпирают с речного откоса,
Валуны с ледниковых времен.

Почему же вода не боится,
Пены, рёва холодных быстрин,
Серебрится, как лента в петлице,
Голубеет прожилками глин.

Здесь восток, поджигающий крылья,
Слюдянистых настырных стрекоз,
И такое лугов изобилье,
В ожидании благостных гроз.

Здесь упорной зеленою нитью,
Простирается свежесть куги,
Но в зрачках, отражая события,
Расширяются чёрным круги.

Тот ли лес, не успевший проснуться,
В окоём это зренья ронял?
С головой окунуться, замкнуться,
Где себя никогда не менял.

День стоит в летаргической зоне,
Оттого его сбивчива речь,
Только в силах пчела на бутоне
Медоносное солнце стеречь.

ИСТУКАН

Там, где посвист степного аркана,
Где ветра шевелят ковыли,
Сотворил я себе истукана,
И прощенья прошу у земли.

Что ж, готовьтесь к таким переменам,
Купол неба сегодня не глух,
Потому и по каменным венам
Я вселяю в него новый дух.

Он, как молния в грозных зарницах,
Воссияет в значенье былом,
И ему перелётные птицы
Будут бить и крылом, и челом.

Пробудив известковые очи,
Очерчу я круги на воде,
И зеркальная аспидность ночи
Отразит его здесь и нигде.

Кто ещё у судьбы на примете,
Не криви же, ваятель, душой:
Ты такой же ненужный на свете,
Бородатый, веселый, большой.

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Когда зима поднимет ворот
Из индевеющих вершин,
Встаёт с утра запретный город,
Являясь множеством личин.

В бетонных трубах предо мною,
Где зарево стоит в дымах,
Не за китайскою стеною,
А по соседству и впотьмах.

Его я плохо понимаю,
Но будет так, на все века –
Река во льду глухонемая
С фигуркой дальней рыбака.

Так почему чередой полосной
Цехов искристые венцы
Похожи в смыслах переносных
На поднебесные дворцы?

Рабочий день толпу не нежит,
Трамвай устало дребезжит,
И наледь, как лиловый стержень,
Узорно стекла освежит.

ВИДЕНИЯ

От ночных, непрочитанных бдений
Бьёт в ладоши большая луна,
Разругались фрагменты видений
Не на ночь, а на все времена.

Друг на друга, столпившись, орали.
Призрак призрака драл за волосы,
Просто сытую жизнь выбирали
Всё, как мы, и сопели носы.

И над всем – ощущение озноба,
Как одели в сырое бельё,
И летали на крышке от гроба,
На весы бросив сердце моё.

Будет долго оно колотиться,
К равновесию чаши сведея,
Память выше – летает, как птица,
Голоса уходящих будя.

Вот она, правда жизни, тупая,
Бытия указующий перст.
Откупаюсь от них, отступаю,
И целую серебряный крест.

МОЛЬБЫ

Для жатвы правит серп брусок,
Жуки, в стерне чернеют хлебники,
Молитвы смысл непостижим, высок,
Ну, а для Бога не нужны посредники.

Дневная печь сияет добела,
И рот открыт в пространства ярус,
Пастух прогонит стадо в зеркала
лугов зеленых, травяную заросль.

А кто здесь я? Рассыпавший песок
В рассеянной своей неосторожности,
Иль жизни слой стесал наискосок,
Кривым садовым ножиком безбожности?

Пытливый странник, избранный изгой,
Из тонкой ивы смастеривший дудочку,
Часы и дни смеются над тобой,
Над отношением к бытию рассудочным.

Так наугад стремнинами судьбы,
Воды по камням вечное течение.
Творец, конечно, слышит все мольбы,
И не оставит их без попеченья.